

2011 КНИЛГО №4

КАЗАХСТАНСКОЕ
КНИЖНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

ЛЮБ

БЕЗЫМЯННАЯ
ЗВЕЗДА
ДВУХ
МИХАИЛОВ

СЛОВАРЬ ЛЮБВИ

Илья Синельников, г. Алматы

СТИХИ

«Словарь – это вселенная,
собранная в алфавите».
Вольтер

«Что к лучшему, что к худшему – всё дело случая в этом мире,
и единственно достоверная система – алфавит».
(Из радиопьесы «Минотавр» немецкого драматурга
Д. Веллерсхофа)

Поэт, я – Совесть.
Слог мой безупречен.
Ты, между нами говоря,
Не Божьей милостью увенчан,
А милостыней словаря

Аж

Аж,
Ажиотаж,
Ажур

АЖ

Частица «Аж» с союзом «Аж»
Решили в брак вступить.
Но путь им в загс закона страж
Пресёк:
– Тому не быть!

И вам ничем, я говорю,
Не подкупить меня,
Ведь вы, согласно словарю, –
Ближайшая родня.

Ущербным будет отпрыск ваш
Для речи и письма,
Как «Ажно» –
Стилевой кураж
Для умного ума.

Потом потомка засмеёт
Высокородный штиль,
Что он –
Как «Ажно» –
Важно прёт,
Не зная, что – в утиль!

Скажу я прямо вам в лицо
(Как правда ни горька):
Усохнет чахлое словцо
На свалке языка.

– Эх, страж...
В «Толковом словаре»
Ты правды не найдёшь.
Он царь, а правит при дворе
Лишь правильная ложь.

Продолжение. Начало в №№ 5,6, 2010 г., №1, 2, 3 2011 г.

Союз же «Ажно» с давних пор
Народ своим признал.
Он забавляет разговор –
Пусть и провинциал.

Ты волю неба не гневи.
В судьбе мы не вольны –
В священном «Словаре Любви»
Мы соединены!

И как бы нас ты ни страдал,
Что брак бракован наш,
И как его ни воспрещал,
Не прав ты,
Права страж!

АЖИОТАЖ

Ажиотажем Дон-Жуана
С годов безусых полонён,
Всегда – для сердца безобманно –
Он был в кого-нибудь влюблён.

Сначала бестелесной тягой
Манил мальчика
Девуц мирок.
Те над прикольным симпатягой
Трунили, прыская в платок.

Когда ж у паренка пробился
Пушок над чувственной губой,
И зуд желанья заклубился,
Рождая в пульсе перебой,

Он, преодолевая робость
В час посвященья в чин мужчин,
Снял первую свою секс-пробу,
Склонённый дамой на почин.

Залепетала дама:
– Bravo,
Мой мальчик! Не сойти за лесть:
Ты хоть ещё и худощавый,
Но щей худых не будешь есть!

И точно.
Выросший искусник
Стал дегустатором тех блюд,
Что – скупно сведущий в искусстве
Любовном – не кушает люд.

По кулинарным лабиринтам
Любви
Его Ажиотаж
На трассах кросса или спринта
Крутил за виражом вираж...

Как вдруг.
На небесах блаженства
Сорвав высоковольтный приз
Союза мужества и женства –
Ажиотаж
Сорвался вниз!

АЖУР

Барышня узнала из журнала –
В моде вновь прабабушкин гламур!
И для бала первого связала
Бельевой ажурный гарнитур,

Чтобы невзначай
Из-под подола
В резвом танце взбились кружева...
Пусть потом шуршит:
– Что за крамола! –
С лицемерной завистью молва.

Всё узорочье ажурных кружев
Отутюжив (как велел журнал)
И заузив талию потуже,
Барышня отправилась на бал.

Там на танец не скоромный – скромный
Пригласил девицу офицер.
Барышня в ответ склонилась томно,
Всем жеманницам подав пример.

Кавалер кружилась, извивалась,
То плывя, то дробно топоча.
Ей казалось, клеєм изливался
Взор его – по линии плеча.

Бессловесной миной извиняясь,
Оттирать она пыталась взгляд,
Силами небесными стараясь
Оградить от клейстера наряд.

Офицер,
Почувствовав неловкость,
Клейкое внимание перевёл
От плеча – на грудь её,
На локоть
И на взвитый парусом подол,

Под которым билось пенной вязью
Кружево ажурного белья...
Он едва не захлебнулся:
– Язви!
Если дева – дева. То – моя!

И сердечной сваркой
К пене кружев
Прикипел –
Попробуй отодрать!

Барышней уже не жуть, а ужас
Завладел –
Ей в пору бы удрать,

Но пристойно,
А не дура дурой,
Впавшей в романтическую мусть.
Да не тут-то было:
Клей с ажуром
Слиплись насмерть, отсекая путь.

Парусами барышня взвизвала
Юбку, вырываясь из оков!
Вырвалась...
Но кружево опало –
От подола –
Аж до каблучков!

С перелугу девушка присела...
– Не в присядку ли пойти взялась? –
Кто-то хохотнул...
Она ж хотела
Под подол, тесня, заправить вязь.

Офицер глядел остолбенело
На её осоловелый лик,
В пене утопающее тело,
Будто тонущий на рейде бриг.

Замер, ахнув, зал.
И кавалеру,
Дабы ситуацию избыть,
Предпринять одну осталось меру –

Быстро
Дева
Руку предложить.

«Ах!.. – зарделась барышня, –
На свадьбу
Я сама ажур себе сплела!..
Завтра он пришлёт сватов в усадьбу...» –
И истомно руку приняла.

А другой рукой зажала кружев
Озорных узорчатый ажур,
Представляя, как их вместе с мужем
Укачает штормовой лямур.

Вдохновлял её торчащий кортик,
Золотящийся в сиянье люстр.
Барышня, чтоб кружев не испортить,

Ловко обмотала ими бюст.
«Ах! – зарделась дева. – Всё в ажуре!
Очень кстате юбка задралась.
Надо закрепить быстрой де-юре
Завязь наших чувств
И судеб вязь».

Офицер подвёл её с поклоном
К дамской комнате.
И кисть разжал.
С выправкой прошёл в проём балкона.
Хмыкнул,
Спрыгнул в сад
И убежал.

Аз

Аз, Азарт,
Азбука, Азербайджанцы,
Азиат, Азиатка

Аз

Есть в древнерусском словаре
Местоименье «Аз».
Ему нет места в букваре
В составе бойких фраз.

Верша библейские стихи,
Вещал суровый «Аз»:
Отмыщен за свои грехи
Он сам себе воздаст¹.

Судом сим был предвозвещён
Последний Анны час.
Прощён вердикт
Иль не прощён –
Судить бессилен Аз...

Всех нас в Евр-Азию Олжас
Провидчески взвизвил
В подвижнической книге «Аз
и Я»² – под визг «светил»

1. «Отмыщен за свои грехи он сам себе воздаст» – парафраз эпитафии к ром. Л. Толстого «Анна Каренина»: «Мне отмыщение, и Аз воздам» – опять же парафраз слов апостола Павла из его Посл. к Римлянам: «Мне отмыщение, Я воздам, говорит Господь» (12. 19).
2. Имеются в виду казахский поэт и ученый-филолог Олжас Сулейменов и его литературоведческий труд – «Аз и Я. Книга благонмеренного читателя» (Алма-Ата, 1975).

(В кавычках)⁴ и в затмение шор,
Что всем ясны сейчас.
Кто внял сродству Стелы и Гор,
С тем авторское «Аз» –

Номада смысловых полей...
...Тюрко-славянский глас
Смешал свет с тьмою, яд, елей,
И кровь, и судьбы рас.

Един двойник мой –
Древний «Аз»
В самосознание с «Я».
Но страшно – странствовать без Вас
В кочевье бытия...

Где веры обрести гарант?
Как жизней двух листы
Сверстать в единый фолиант
И «Вы» –
Сменить на «Ты»?..

АЗАРТ

Телесного блаженства зелья
Отведав – за глотком глоток,
И обожжённый жадой хмеля
Любви –
Как заревом восток,

Отдав на откуп жизнь азарту –
Подняться в браке до небес,
Счастливо выпавшую карту
Побить – он мнил – не сможет бес!

Но чужа выигрывает нутром,
Чёрт Даму пик в его ввёл дом.
Измены раскалил тавро –
И страсть
Насквозь прожгла ребро.

АЗБУКА

«Азбукой» секса кишит Интернет...
W... w... you?³
Только Любви в этой «Азбуке» нет –
Что бы затмила твою,

АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ («ДВА СЕРДЦА». Притча)

Об этом деле не ашуги пели –
Случилась это всё на самом деле.

Не то в Баку, не то в Нахичевани,
Кто говорит – в Гяндже, кто – в Ленкорани...
Но факт, что было то – в Азербайджане.

На площади, среди толпы народа,
Красавец, двадцати одного года,
В рубашке нараспашку щеголял
Сверкавшим сердцем –
Алым, словно лал.

Оно сияло в той же полной мере,
Как полная луна в полночной сфере,
Как солнце днём, ничем не затенённым –
Ни облаком, ни кронами, ни склоном.

Светилось сердце пламенным рубином,
Отысканным в неведомых глубинах,
Дух вдохновляя внутренним сиянием,
Незамутнённым никаким страданием.

Был слух,
Что парню в отрочестве раннем
Так тонко сердце ювелир огранил,
Что не сыскать и мизерных щербинки
Ни на одной из пылких половинок.

В базарный день толпа не убывала,
Наоборот – прибором прибывала.
И площадь чуть не лопалась от люда,
Помящегося поглазеть на чудо.

Красавец гордо вслушивался в ахи,
Взлетавшие вокруг его рубахи,
В рокошущий у сердца дружный говор:
«Мы отродясь не видели такого!»

И тут пробился к парню некий старец.
Не чужестранец.
Свой – азербайджанец.
Он бросил взгляд на сердце,
Отвернулся
И в бороду хмельную ухмыльнулся:

– Нашёл чем щеголять ты, славный малый!
Я думал, что корявые кораллы –
В твоей груди, источенные морем
Житейским – с его радостью и горем.

А ты, гляжу, безделкой ювелира
Пытаешься снискать признание мира.

Такому сердцу (так сказал всем я бы)
До сердца моего – как до Каабы⁵.

Толпа вокруг зашуршала глухо...
Старик раздвинул полы архабука –
И обнажилось сердце человека.
Которого, как видно, знала Мекка.

Зияло сердце ранами сквозными,
Рубцы и швы перемежались с ними,
В морщинах стародавних огорчений
Змеились шрамы новых злоключений.

Местами сердце (всем так показалось)
На разные кусочки распалось –
Как если бы чужих сердец частицы
Надували в нём воссоединиться.

В местах же, где кусочков не хватало,
Слезилось сердце... –
То ли подустало
Оно собой выравнивать пробелы...
А может быть – жить больше не хотело...

Толпа безмолвно вопрошала старца:
«Лукавство это?
Или же коварство?»

Тебе ль – с твоим дырявым «самоваром» –
Порочить парня с данным ему даром?»

Толпа прибором старца обступила,
Слились в её напоре злость и сила.
Но парень упредил разгул пучины:
– Почтенный пошутит! Почтим седины!..

Ответил злом продавец гранатов:
– Старик – шутник! Да шутка – странновата...

Хлеща камчой, чтоб не отбились овцы,
Отозвались смешком скототорговцы:

– Хоть странник сед – ан недопонимает:
С годами – стынёт кровь, а разум – тает.

С таким поводырём – не то что в Мекку...
Ни гору не преодолеть, ни реку.

Но вывод парня
Гладкий был и краткий:
– Отец, не всем загадкам есть разгадки.

Зачем два сердца сравнивать пытаться?
Они – как судьбы разные – разнятся.

Моё – сияет, как призыв к намазу,
А ваше – разум угнетает разом.

Давайте ж разойдёмся – без обиды...
– Постой! Камчой беседа не гони ты!

На целый век состарился я ныне,
Но не сказал ещё и половины.

Но ты не бойся, парень, успокойся:
Загадкам всем одна разгадка – польза.

Да, твоё сердце смотрится что надо.
То – Дар тебе.
А мне – моё – Награда.

Дар от Награды
Тот лишь отличает,
В ком мудрость
Опыт жизненный венчает.

Я знаю, горевое моё сердце
Чужой судьбе – на вкус – погорше перца
Покажется.

Но и ценою рая
Своё – я на твоё –
Не обменяю.

За каждым этим шрамом и морщиной
Я вижу образ женщины любимой.
Вот здесь, в слезоточащих равных ранах,
Как в зеркалах, – любви моей изъяны.

Любовь не раз сломила мою долю...
Кто надрывал мне сердце – тех на волю
Я провожал...
Но ощущал всё чаще
Рубцы – от предстоящих им несчастий.

Бывало, что навеки покидали
Меня и те, что счастливы бывали
Со мной лишь.

И мои частички сердца
В сердцах их пели, как немое меццо.

Но многие любовь не возвращали.
Хотя любить до гроба обещали.

Всю жизнь зияют в сердце раны эти.
И будут в нём зиять
И на том свете.

Коль скоро не воротится
На этом
Любовь ко мне с предгробовым приветом –

На вечный путь напутствием счастливым.
Куда мы все вступаем сиротливо.

Поправил архабука он. И, сутулясь.
Как в воду, канул в сутолоку улиц.

3. Советские учёные и политики, подвергавшие О. Сулейменова многолетней травле за указ. кн.
4. W... w... you (анг. [дабл ю... дабл ю... ю]) – условно-произвольный адрес сайта в Интернете.
5. Кааба – мусульманская святыня, с чёрным камнем, в Мекке.

И тут же покатились, как на плахе,
С голов скототорговцев их папах.
— Всё это что-то... как-то... странновато, —
Ошеломлённый продавец гранатов
Натужился понять:
Что ж тут случилось, —
Как и его папах покатилась.

Гуртом гранаты продал и арбу он,
Взнуздал осла —
И двинул под Стамбул он.

Скототорговцы, опасаясь кары, —
Погнали в Тегеран свои отары.

А площадь ещё долго не пустела:
У многих здесь своё кипело дело.

Слонялись те, кто не был им ошпарен.
И с ними — с драгоценным сердцем парень.

Кругом везли — кто молодой, кто старый,
Кто на арбе, кто на себе —
Товары:

Ковры, кинжалы, кольца, кубки, трубки... —
Чтоб никому не злиться без покупки.

Лишь к вечеру, под новою луною,
Отхлынул люд последнею волною.

И с площади, уже почти бесшумной,
Поплёлся парень,
Нагруженный думой.

АЗИАТ

Я азиат не только по рождению
В Евразии — великой, как планета,
Но и по звёздной линии движенья
Судьбы — к Азийской Женщине.
И это
Быть позволяет, как никто, богатым —
Влюблённым и любимым азиатом.

АЗИАТКА

Её голос — певучая ласка,
Щедрость сердца — морской глубины.
Не тревожат ее ни огласка
Тайны сердца,
Ни время,
Ни сны.

Под защитой всесильного Тенгри
Ей неведом пред будущим страх.

...Знали разве что древние венгры
Евразийские
Да Аруах,
Что однажды
Близ гор Заилийских
К ней нагрянет её благодать —
Что окажется ближе всех близких
(Исключая лишь дочку да мать).

У неё за душой — «ни тиынки»⁶
Всяких разных расчётов
На вдруг. —
Лишь молитва
За жизнь *половинки*
Под условным названием —
супруг.

Рисунок Лили Калаус
Продолжение в следующем номере

6. Тиын (каз.) — 1/100 часть нац. валюты Казахстана — тенге. «Ни тиынки» — ср. «ни копейки».